

Новая информация

Ветер Перемен

Тенджин старался держать голову прямо и не оглядываться по сторонам, когда шел через стоянки тибетских лис к одному из гэров, хотя внутри он волновался. Он не так давно получил возможность носить оружие и участвовать в боях, но успел побывать в нескольких из них и вернуться живым, а потом попал в отряд Бектер нойона, и жизнь почти что превратилась в ад. Он ненавидел Бектера и боялся его, как и многие другие наемники под его командованием, но о таком не говорили вслух. Но помимо повода презирать его за излишнюю жестокость, у Тенджина были с ним и личные счеты.

Но последней каплей стала смерть ненавистного командира, а потом и слухи, поползшие по поселку, в основном среди женщин, которые перешептывались об этом за ежедневной стиркой или дойкой кобыл, что Бектер не просто оскорбил честь лисьей удган, он пытался ее изнасиловать. Тенджин испытал мрачное удовлетворение от мысли, что нойон получил по заслугам, и что его сестра была отомщена принцем Королевских Кобр. Как и все те женщины, до которых успел добраться нойон. Пусть теперь в клане были распри за место тысячника, Тенджина больше волновал разговор, услышанный им случайно накануне в доме хана и его новой ручной лисы, которая надеялась урвать кусок пожирнее, приведя к хану несколько лисьих кланов.

Тенджин прокашлялся и, чувствуя себя без оружия голым, оставил саблю у входа в ханский гэр и вошел внутрь. Ему до этого не доводилось говорить с ханом-женщиной.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит была в ярости от случившегося. Мало того, что до этого приходилось следить за молодыми лисами, чтобы они не ввязывались в стычки со вспыльчивыми шакалами, теперь нужно было вдвое пристальнее следить не только за тем, чтобы лисы и шакалы не цеплялись друг к другу, но еще и держать подальше от шакалов всех женщин и детей. Алахчит рвала и метала на совете ханов, не стесняясь высказывать хану шакалов все, что она думает, но добилась только того, что Джагатай отослал ее вон, велел остыть и возвращаться с трезвой головой. Казалось бы, его совершенно не тронула эта выходка одного из шакальих псов, который полез не просто к удган, но и к замужней женщине, что уже само по себе было нарушением всех законов и традиций.

Алахчит считала, что нельзя просто замять это происшествие, иначе шакалы поймут, что они могут поступать так, как думает не их голова, но их промежуток, и им за это ничего не будет. Повезло, что обстоятельства сложились так, что принц Кобр приехал в Дадал именно сегодня и тем более повезло, что ему удалось одержать над шакалом победу.

- Оронар, останься, - велела она мужчине, когда снаружи сначала послышался кашель, а потом в гэр вошел совсем еще юный шакал. Он был безоружен. - В чем

дело? - спросила она. - Великий Хан тебя прислал?

Ветер Перемен

Хан встретила его без дружелюбия, велела своему нойону остаться. Тенджин снова нехотая подумал, что она красивая, эта девчонка-хан, но пришел он не затем, чтобы воспевать ее красоту, так что ему пришлось вернуться мыслями к своим намерениям.

- Нет, я пришел по своему решению, - Тенджин потом еще несколько раз задаст себе вопрос, почему он поступил именно так, но не найдет на него ответа. - Мое имя Тенджин, и у меня есть сведения о планах Великого Хана. Вам нельзя выходить замуж за Байшинхора. Угэдэй хаан сотрудничает с человеком по фамилии Асака, ему нужны люди. Только не воины, а рабы. За это они получают деньги. Джагатай хаан обещал ему триста человек взамен на большую сумму денег, которую он получит после того, как Байшинхор на вас женится.

Он успел услышать только это, и то, случайно. Он считал ниже своего достоинства подслушивать, но Угэдэй не стеснялся говорить это во всеуслышание, потому что обычно лисы не заходили в поселок, следовательно, хан не подозревал, что его могут услышать чужие уши.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит недоверчиво взглянула на мальчишку-шакала, который признался, что пришел по своей воле. После вчерашнего поединка она предпочитала держать Оронара поближе к себе и справедливо опасалась нападения с любой стороны. Перед ней маячила угроза выйти замуж за шакальского сына Угэдэй-хана, и она не видела иного пути, кроме как согласиться, чтобы сохранить то подобие натянутого перемирия, что было между ними сейчас.

Но то, что дальше стал рассказывать мальчишка Тенджин, отдавало фальшью и не вязалось с тем, что видели шаманы. У Алахчит закралось сомнение, что это все подстроено шакалами - этот жест доброй воли, фактически предательство не вызывало доверия. Сейчас она подозревала всех и каждого, а к шакалам и вовсе не было никакого доверия еще с той памятной битвы на озере Хубсугул. Она не простила им смерть старшего брата и отца.

- Ты шакал, - вмешался Оронар, и на этот раз Алахчит стерпела это своеволие от родственника. - Приходишь и рассказываешь нам то, что привело бы твой клан к победе. Ты или предатель, или дурак, или все вместе.

Оронар, как обычно, не церемонился. Алахчит и самой было интересно послушать мотивы мальчишки, но она была готова к тому, что он потребует за эту информацию слишком высокую цену.

Ветер Перемен

Тенджин не отступил назад, когда в разговор с ханом вмешался ее нойон, а сама хан ничего не сказала, но ему показалось, что в ее взгляде читалось любопытство, которое она не пыталась скрывать. Она его не выгоняла и не велела своему нойону

его выгнать, значит, он ее мог заинтересовать. Но Тенджин должен был рассказать все честно, даже то, что не хотел бы рассказывать.

- Только наполовину. Моя мать была из маленькой деревни клана зайцев, что расположился на берегу озера Далайнор. Она всегда отзывалась о кланах лис с теплотой в голосе. Мой отец силой взял ее в жены и увез с собой во время одного из набегов. Он погиб в битве на озере Хубсугул.

Через много лет Тенджин приехал в эту деревню, которую шакалы сожгли дотла, потому что зайцы отказались подчиняться, и Бектер нойон приказал не оставлять никого в живых. После этого, упившись кумыса, он долго насиловал мать и сестру Тенджина, а когда сестра понесла от него, выбросил ее умирать в снегу.

- Я и предатель, и дурак, что рассказываю это, - признался он. - Но я не хочу служить Асаке и убивать для него, наблюдая, как мой командир насилует девушек, а потом выбрасывает их замерзать в снегу.

Алахчит Алтан Борджигин

Если шакаленок рассчитывал на сочувствие, рассказывая о своем отце, погибшем в стычке на озере Хубсугул, то Алахчит не могла ему его дать, но она не могла не отметить, что он говорит искренне. Или ей хотелось в это верить, потому что где-то внутри все еще лелеялась надежда, что все можно как-то исправить, обойтись без этого союза с шакалами, который уничтожит ее клан.

- И что ты хочешь получить взамен на эту информацию? - спросила Алахчит. Она успела понять, что шакалы ничего не делают добровольно, что у всего у них есть цена, иногда большая, иногда меньшая. Ценой шаткого мира должна была стать свадьба, но слова Тенджина заронили зерно сомнения в ее душу. Она не должна была безоговорочно ему верить, и она попыталась представить, что бы сделал отец в этом случае. Поверил бы он или поставил под сомнения эти слова как попытку подтолкнуть ее к тому решению, которое было бы еще более выгодным для шакалов? А как поступил бы Сорхоншар?

Ветер Перемен

- Если вы решите дать бой, я буду сражаться на вашей стороне, - предложил Тенджин. Он не был опытным наемником, ни тем более уважаемым военачальником, но лисам сейчас не будет лишней еще одна сабля. - Если вы решите уйти, я хочу уйти с вами и забрать с собой свою мать.

- Ты глупец, раз думаешь, что нам позволят просто так уйти, - проворчал Оронар. - Хочешь чистого неба над головой - готовься залить кровью землю под ногами.

- Не все шакалы поддерживают Угэдэй хана, - добавил Тенджин. Он старался доказать искренность своих намерений. Он был шакалом по отцу, но многое в него вложила именно мать, которая не давала закрывать глаза на все деяния клана, к которому принадлежал отец. - Им не нравится, что Асака превращает нас в цепных псов, которые лают по его приказу.

Это была знаменитая монгольская гордость. Сейчас они были шакалами, которых

презирали, боялись и проклинали, но так было не всегда.

Алахчит Алтан Борджигин

Юный шакал озвучил свою цену. Он всего лишь хотел сбежать от шакалов, и эта цена показалась Алахчит разумной. По-меньшей мере, это лисы могли ему дать.

- Я обдумаю твои слова, - сказала Алахчит. В ней все сильнее крепла уверенность в том, что она должна любой ценой избежать этого замужества и этого союза, который станет началом конца. Она не могла допустить, чтобы ее клан исчез, от него и так остались лишь крохи. - Но возможность исполнить твою просьбу зависит не только от меня. Мне придется рассказать эту информацию другим ханам лис, и у них возникнут вопросы, откуда мне это известно. Я не буду от них скрывать. Готовься к тому, что тебя сочтут предателем.

Алахчит сейчас готова была хвататься за любую возможность защитить свой клан. Даже если для этого приходилось якшаться с человеком, который имел весьма приблизительное понимание верности. Но ей было сложно понять мотивы, что двигали юношей, ее отец и мать всегда жили душа в душу, пока болезнь не забрала ее.

Яшви Садхир

У Яшви не отняло много времени собрать всех шаманов и изложить им суть своего трактования. До этого никто из них не задумывался над видением в подобном ключе, ведь иногда смысл зависит и от того, кто его толкует, в том числе. Но многое стало понятно только сейчас, когда в реальности все слишком стало отличаться от того, что показывали духи. Несмотря на это, только часть шаманов поддержала ее, взглянув по-новому на видение. старый Дорджурен, поддерживаемый мальчиком-шаманом, качал головой и первым покинул собрание, отправившись в свой гэр. За ним потянулись остальные. Яшви была разочарована подобным результатом, но все же не теряла надежды, что Алахчит ей поверит.

Она встретилась с Сонгцэном, и они направились к центру стоянки, где стоял гэр Алахчит, отличный от других только цветом двери - у нее она была синей. Яшви постучалась и не дожидаясь, пока ей ответят, вошла, потому что обычно не соблюдала такие формальности при посещении подруги. От ее внимания ускользнула чья-то сабля, прислоненная к стене гэра, иначе Яшви проявила больше традиционного терпения. О госте она догадалась только когда увидела его, и ей хватило взгляда, чтобы понять, что это - молодой шакал. Яшви замерла на пороге и вскинула взгляд на Алахчит, которая явно о чем-то беседовала с гостем.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн отправился к Алахчит вместе с Яшви. Пока он не успел узнать о том, что говорили лисы о недавних событиях, а эта информация была бы для него очень полезной. Он зашел в шатер хана следом за супругой и вежливо поклонился Алахчит, заметив, что у неё уже был посетитель. Сонгцэн встал возле Яшви и недоверчиво посмотрел на молодого парня, который был куда больше похож на шакала, чем на лису.

Рядом с Алахчит был Оронар, хан сейчас не нуждалась в дополнительных телохранителях, но Сонгцэн все равно был готов к любому развитию событий. Сейчас он чувствовал, что все время, что находился в клане лис в этот раз, был настороже. Он был готов к тому, что шакалы в любой момент проявят себя, и придется вновь лезть в бой. Погибший противник был силен и опытен, и он такой был не единственный среди проклятых псов, прошлая встреча Сонгцэна с которыми была в бою, в котором чуть не погибла Яшви.

Но несмотря на то, что к посетителю Алахчит Сонгцэн относился недоверчиво, он молчал и не выражал враждебности.

Ветер Перемен

У Тенджина было время подумать об этом, и он решил, что лучше будет зваться предателем, чем убийцей стариков, женщин и детей. При всем при том, что некоторые женщины могли бы дать отпор, он относился к ним иначе, чем привыкли относиться к женщинам шакалы - как к расходному материалу, что только ублажает мужчину, заботится о нем и год за годом рождает детей. До этого он никогда не видел женщину, которая держала бы оружие, и потому вид лисиц с луками за спиной так его поразил.

- Я буду готов к этому, - ответил он в тот момент, когда в гэре появилось еще несколько человек. Он узнал ту удган, из-за которой был поединок, и принца Кобр, которого стоило благодарить за убийство нойона. Удган была по-своему красива, и чем-то напомнила Тенджину мать, а, увидев в бою принца Кобр, шакал уже понял, что нельзя его недооценивать. Как минимум он был хорошим магом для своего возраста.

Тенджин поклонился вошедшим, но промолчал. Он считал, что ему пора уходить, но должен был дожждаться решения хана, потому что от нее сейчас зависела его жизнь. Она могла выдать его Угэдэй хаану, и тогда его ждала бы смертная казнь.

Алахчит Алтан Борджигин

- Будет так, - кивнула Алахчит, запечатывая словесно это уговор между ними. Она обратила внимание на вошедших к ней без предупреждения Яшви и принца, и поклонилась им, преимущественно все-таки кобре, чем шаманке, с которой могла не соблюдать излишних формальностей. Затем она перевела взгляд обратно на молодого шакала.

- Яшви-удган, Садхир-джи, - поприветствовала она их. Она всегда была рада видеть подругу, и сейчас волновалась за нее больше, чем всегда, потому что Яшви пришлось пережить неприятное, наверняка не прошедшее бесследно. Но Алахчит уже привыкла, что шаманка постоянно прячет все внутри себя, и из нее клещами ничего не вытянешь. Если только ты не хитрая лиса. Но у них еще будет время поговорить не о делах.

- Повтори все, что ты рассказал им. Этим людям ты можешь доверять, как мне, - велела она шакалу, который замолчал и держался настороженно, но не агрессивно. Он был совсем молод, наверное даже моложе принца кобр, но Алахчит нравилось, что в нем есть внутреннее достоинство, которое отличало его от большинства

ведущих себя безнаказанно и нагло шакалов.

- Я хочу знать ваше мнение, - добавила она, обращаясь к Яшви и ее супругу.

Яшви Садхир

Яшви посмотрела на шакала и слегка кивнула ему, подавив желание спрятаться за спину Сонгцэну, потому что снова накатывал страх от осознания, что она находится в одной комнате с шакалом. Они были непредсказуемые, но Яшви уже убедилась, что от них не стоило ждать хорошего, поэтому смотрела на чужака с плохо скрываемой враждебностью. За несколько секунд она успела передумать кучу мыслей о той, которая касалась мести шакалов Алтану и заканчивая той, где мстить собирались уже Сонгцэну, а между ними было еще что-то невразумительное, что даже мыслями было бы стыдно назвать.

Алахчит предложила шакалу что-то рассказать, наверняка что-то, что могло заинтересовать хана, оттого она решила воспользоваться мнением и советом их с принцем. Яшви постаралась расправить зажатые в напряжении плечи. Шакал один, а в гэре двое взрослых сильных мужчин и Алахчит, которая мало в чем уступит опытному воину, несмотря на внешнюю хрупкость. Сама Яшви не считала себя таким уж впечатляющим воином, она лишь хорошо держалась в седле и умела стрелять, но у нее не было с собой оружия, а с магией стихий отношения у нее по-прежнему были напряженными.

Ей ничего не угрожает сейчас. Ни ей, ни кому-то еще здесь.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэну польстило, что Алахчит хотела узнать его мнение в вопросе, который касался дел лис. Молодой шакал был чужаком, но хан дала понять, что она доверяет новым посетителям. Сонгцэн кивнул, соглашаясь выслушать этого парня, но он не знал, о чем именно пойдет речь.

Шакалам не стоило доверять. Они не вели себя так, как должны вести союзники, иначе не возникло бы вчерашней ситуации, которая закончилась дуэлью и смертью одного из шакальих командиров. Они собирались строить отношения с лисами с позиции силы, и это не нравилось Сонгцэну, как и тем лисам, кто помнил, что кочевники не вставали на колени.

Сонгцэн не считал себя опытным политиком, хотя уже иногда вел переговоры от лица клана Кобр. Его только учили вести подобные дела, и встречи были далеко не самыми важными для клана. Там, где сложно и требовалось проявить особую дипломатическую изворотливость, куда лучше справлялся отец. Только рядом его не было. И его поддержку в Монголии еще нужно было получить.

Ветер Перемен

Тенджин посмотрел на хана, когда она велела пересказать все еще раз, но уже новым слушателям, затем перевел взгляд обратно на шаманку и ее супруга. Шаманы редко заводили семьи, считалось, что это их отвлекает от общения с духами, но Тенджин не мог говорить точно, потому как для него духи были теми, кого

он никогда не услышит. Удган смотрела на него так, словно опасалась, что он на нее бросится прямо здесь. Тенджин помолчал. Хан сказала, что им можно доверять, только это убедило его в необходимости повторить сказанное.

- Алахчит хаан нельзя выходить замуж за Байшинхора. Как только брак будет заключен, Джагатай хаан продаст хану шакалов триста лис, которые затем будут служить как рабы человеку по имени Асака. Ему нужны люди и он готов за них щедро платить.

Он понимал, что стороны его слова могут выглядеть голословно, потому что у него не было никаких доказательств. Он был неубедителен в этой попытке помочь, но Тенджин не хотел даже себе признаваться, что причиной, по которой он пришел к девчонке-хану, служило и еще какое-то обжигающее ощущение обиды в груди. Такая красивая и гордая, а достанется человеку, который ей воспользуется, а затем выбросит, как игрушку. С кланами сайгаков было также.

Яшви Садхир

Яшви выслушала шакала. Картинка наконец сложилась. Видение и то, что рассказывал шакал, имени которого Яшви так и не знала, были об одном и том же. Яшви оглянулась на Сонгцэна, который стоял рядом. Он единственный из присутствующих знал новый смысл того видения, и Яшви казалось, что сейчас они могут думать об одном и том же.

- Все сходится, - заметила она ему. Она все еще не доверяла шакалу, у нее были вопросы, откуда у него эта информация и действительно ли Алахчит ему верит, но сомнений уже не оставалось, что она верно истолковала то, что хотели сказать духи. Они говорили вовсе не о Великом Хане, они говорили об Угэдэй хаане, который был готов поставить на колени триста лис, превратив их в рабов. Потому что только рабы стоят на коленях.

- Я могу говорить при нем? О том, что я поняла от духов? - уточнила Яшви у Алахчит, и, дождавшись ее согласия, рассказала о том, что чуть ранее утром уже говорила шаманам.

- Все это время мы неправильно толковали то, что видели, - сказала она. - Лис объединит не Великий Хан, они объединятся против него. Против того, кто поставит лис на колени, как рабов. И он это только что подтвердил, - она глянула на безымянного гостя.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн не доверял тем, кто предавал своих. Он считал, что не бывает хороших предателей, что невозможно клясться в верности одним, а затем переходить к тем, у кого выгоднее. Но не мог понять мотивы молодого шакала: лисы сейчас были в проигрышном положении. Новости от шакала не радовали, но совпадали с тем, что говорило видение Яшви. И подтверждали, что Алахчит не стоило выходить замуж за одного из шакалов, это не спасет лис, лишь ускорит их окончательный разгром.

- Рассказывая об этом, ты предаешь свой клан, - сказал Сонгцэн, глядя на шакала. - Что заставляет тебя так поступить?

Если Алахчит позволила ему присутствовать при этом разговоре, он считал, что в праве задавать вопросы, которые его интересовали. Сонгцэн не так уж хорошо знал традиции кочевников, но был уверен, что они относились к предателям ничуть не лучше чем Тигры или Кобры. Тем более парень наверняка был военным и служил шакалым командирам.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит снова выслушала то, что уже слышала до прихода Яшви и принца, но рассказанное ничем не отличалось. Она была склонна больше верить шакалу, чем нет, но ее, как и Оронара, беспокоил вопрос преданности этого юного воина. Ток, кто предал однажды, может сделать это снова, Алахчит не могла этого допустить, но она была не в том положении, чтобы торговаться. Ей нужна была любая информация о планах шакалов, чтобы сохранить лис в живых. Если для этого ей придется использовать этого мальчишку - так тому и быть.

По реакции удган она поняла, что той есть что сказать, и пришла она не просто с дружеским визитом, но по делу. Алахчит, помедлив, кивнула в ответ на ее вопрос доверия к шакалу. Лисы сейчас были слабы. Триста человек - это мало для шакалов, но огромное количество лис, лишившись которых, лисы просто перестанут существовать не только как клан, но и просто как народ. Оставшиеся двести человек стариков уже не будут представлять никакой угрозы для остальных. Пока Алахчит не видела выхода. Если она выйдет замуж, лисы станут рабами, если она откажется - их уничтожат.

- Значит, ты говоришь правду, - подытожила она, глядя на шакала.

Ветер Перемен

Тенджин не ожидал, что хан разрешит шаманке говорить при нем, но он не надеялся, что это проявление наивысшего доверия. Он больше склонялся к мысли, что это какая-то уловка - именно этого всегда и ждали от лис. Хан хоть и была молодой девушкой, вряд ли была столь же наивна, как это присуще молодости. Он убеждал себя, что ему нечего бояться и стыдиться, он принял для себя решение, но тон принца ему не нравился.

- Я уже говорил о причинах Алахчит хаану и нойон-гуаю, - сдержанно ответил Тенджин. Если у них не возникло дополнительных вопросов, значит его ответ их удовлетворил. Но принц кобр, хоть и показал себя опытным воином, в свою очередь не давал Тенджину никакого повода безоговорочно доверять ему, несмотря на слова девчонки-хана. На поединке кобра защищал честь своей жены, а не всех лис. - Если Алахчит хаан посчитает нужным, чтобы я их повторил, я это сделаю.

Ему не было никакого смысла сейчас говорить ложь, но Тенджин не мог просто так сказать, что испытывает нечто странное при виде Алахчит хаан и потому не хочет, чтобы она выходила замуж. Он считал, что все просто наложилось одно на другое - недовольство действиями шакалов и хана зрело уже давно.

Яшви Садхир

Алахчит почти никак не отреагировала на новость, но она и не могла сделать это как-то по-другому при чужаке. Но это убедило ее в мысли, что шакал говорил правду. го мотивы все еще оставались непонятными, но Яшви чувствовала, что он действительно прав. Те незримые, кто постоянно стоял у нее за спиной, не чувствовали к нему отторжения, скорее одобрение, но Яшви не могла бы объяснить это словами, потому что все было на уровне ощущений. Все могут ошибаться в своих предположениях.

Но Сонгцэн не стал молчать, его как и всех интересовала истинная подоплека действий шакала. Но тот не стал отвечать, что снова отбросило назад начавшие зарождаться зачатки доверия. Яшви не знала, какую цену шакал назначил за свою информацию, но понадеялась, что это не сильно ударит по клану в частности и лисам в общем.

- Они верят ему, - сказала Яшви. - Они, но не я. Если хочешь доверия, тебе лучше сказать все, как есть.

Она полагала, что если человек умалчивает, значит, ему есть что скрывать, а доверительность в таком случае становится невозможна. При том, что сама Яшви редко когда вообще открывала кому-то свою душу и предпочитала держать все внутри. Но сейчас речь шла не о ней, а о жизни сотен лис.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Шакал не стал ничего объяснять, и Сонгцэну этот ответ не понравился. Предатель своего клана находился не в том положении, чтобы диктовать условия. Но и лисы сейчас, судя по новой информации и новому толкованию видения, находились в очень опасном положении. Нельзя было пренебрегать помощью, но не стоило слепо доверять никому.

- Если Алахчит хаан скажет, что доверяет твоим мотивам, я ей поверю, - сказал Сонгцэн. - Но я доверяю ей, а не тебе.

У Алахчит не было причин покрывать врагов, и в этот момент её цели и цели Сонгцэна полностью совпадали. Он считал, что командовать должен кто-то один, и остальные при самой дружелюбной мотивации могли лишь помешать, если нарушали субординацию. Поэтому Сонгцэн был готов соглашаться с решениями хана лис, чтобы не усугублять нынешнее положение.

Им предстояло обсудить, согласна ли Алахчит вызвать подкрепление, но этот разговор не предназначался для ушей молодого шакала. Пусть он будет во всем честен и поручится головой за свои слова, ни к чему обсуждать такие вопросы при ком-то кроме Оронара и старейшин племени, которое вела Алахчит. Даже нынешнему великому хану эта информация могла быть лишней, потому что выходило, что он по своей воле или по заблуждению предал свой же народ.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит присматривалась к спорящим мужчинам. И если одному она могла верить без опасений, то верность второго все еще была под вопросом. К тому же снова полезла эта неуместная сейчас лисья гордость, да и принц не остался в долгу.

Алахчит показалось, что она следит за детьми в песочнице, которые делят одну игрушку.

- Ну-ка ша! - шикнула она на всех троих, для верности притопнув ногой. - Не хватало еще и с вами проблем. Ради чего гарцуете, как жеребцы необъезженные? Еще б вон, саблями померились.

Оронар смотрел неодобрительно, шевеля длинными вислыми усами. Алахчит вдруг захотелось сравнить его с большим недовольным жуком и рассмеяться, но она сдержалась, помня, что сейчас не время и не место. И было так уже больше полугода, когда она почти не смеялась. Трудно.

- Верю я ему. И в причины верю, и в слова его. Насколько могу, настолько и верю, - обратилась она к Яшви и принцу Сонгцэну. - А ты - расскажи как есть, иначе нет тебе больше доверия. Расскажи сам, или от меня все равно узнают.

Она не могла скрыть от других ханов информацию о том, что готовят шакалы, и кто ее принес, чтобы что-то решать. Но выходить замуж ей и так-то не хотелось, тем более за шакала, а теперь так и вовсе было опасно.

Ветер Перемен

Тенджин нахмурился. Он был сейчас не в том положении, чтобы торговаться, но на своей правде хотел стоять до последнего. Не устоял - девочка-хан поступила по лисьи, вроде бы верит, а вроде бы и нет. Хитрая. Красивая и хитрая. Опасная.

- Не хочу служить тому, кто наживается на рабстве, - процедил Тенджин, рассудив, что лучше скажет сам, чем раздует спор с коброй. - Шакалы никогда не нападали на соседние кланы, пока Угэдэй не стал служить Асаке. Он продаст собственный клан в погоне за наживой. И все командиры его поддерживают, потому что получают власть и деньги. Бектер нойон насильовал мою мать и сестру, а потом выбросил ее, беременную, умирать в снегу. Угэдэй не сделал ничего. И такой случай - не один единственный.

Сколько молодых шакалов, которые не угодили командирам, не были достаточно расторопны или не так посмотрели, не то сказали, были растерзаны голодными собаками, будучи не в силах от них защититься, потому что перед этим им ломали все кости. Это называли наказанием.

- Я шакал по отцу, но моя мать из племени зайцев, которую он увез и взял силой, научила меня думать над приказами, а не слепо выполнять их. Я буду предателем клана, который подчиняется человеку, потерявшему свою честь настолько, что даже своих соплеменников ставит на колени, чем одной из его собак, которые рвут друг друга на части из-за обглоданной кости.

Яшви Садхир

Яшви замолчала, почувствовав стыд, словно она и правда пыталась невесть что доказать шакалу, у которого могли быть причины умалчивать о вопросах своей преданности. Но она боялась его, как лиса боится шакала, а потому этот страх заставлял ее требовать от него всей правды, чтобы она могла понять, можно ли ему

доверять даже тогда, когда Алахчит ему верит. Насколько может верить лисица шакалу.

Она снова почувствовала холодок по спине от слов шакала, в той части, когда он говорил о своей сестре. Должно быть, он ее любил, а его отняли у него, сломав и выбросив, как куклу, просто потому, что она не пришлась по душе одному из командиров шакалов. Яшви представила, что бы было, если бы шакал исполнил свою угрозу и убил Алтана? Что бы она тогда почувствовала?

- Она не винит тебя, - сказала Яшви. Она вдруг увидела мелькнувшее на одно мгновение лицо, неясную тень, которое пропало так же быстро, как и появилось. - Нет зла, нет боли и нет страха. Не держи, тогда она уйдет.

Умерших нужно отпускать. Как бы тяжело ни было, как бы ни хотелось отчаянно, хотя бы на секунду увидеть тех, кто ушел, нужно учиться их отпускать. Иначе они остаются привязанными к этому миру, и бродят здесь, беспокойные и несчастные, и каждая боль живых, тех, кого они любили при жизни, отзывается в них еще большими страданиями.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн сдержал ухмылку, когда Алахчит велела прекратить балаган. Тут она была хозяйкой, и он лишь кивнул, когда она велела шакалу все же пояснить свою позицию для всех. Ситуация, которую описывал парень, была страшной для любого человека. И, если он говорил правду, его решение можно было понять. Но Сонгцэн услышал больше - шакалы не были единой преданной армией, они грызлись между собой. Для того, кто собирался с ними воевать, новость была очень хорошей. Сонгцэн взглянул на Яшви. Она сказала шакалу о своем видении, которое значило куда больше в подтверждение слов этого парня, чем все догадки самого Сонгцэна и слова Алахчит.

- Я верю тебе, - сказал Сонгцэн. - Есть кто-то, кого ты хочешь забрать от шакалов?

Он не понял, была ли жива мать этого парня. Если шакалы узнают о предательстве, они будут мстить тем, кто ближе, и пострадают те, кто мог быть дорог этому перебежчику. Нужно было вызволить их до того, как станет известно, что лисы в курсе планов Асаки.

- И сколько таких как ты, кто не хочет идти за нынешним ханом?

Прочность стен определяется преданностью их охраны. Так всегда было и всегда будет.

Алахчит Алтан Борджигин

Мужчины прекратили соревнования, Алахчит еще раз метнула на каждого острый взгляд, чтобы больше вздумали, и затаила дыхание, пока Тенджин-шакал снова рассказывал о страшных шакальих деяниях. Как, должно быть, тяжело жилось их женщинам, и как они боялись за свою жизнь. Алахчит хотела бы им помочь, но ничего не могла сделать - ей нужно было позаботиться сначала о своем клане.

Яшви-удган увидела что-то еще, понятное только им двоим, и это убедило Алахчит, что все же шакал не лжет. Теперь у нее не было в этом никаких сомнений. Говорил он зло, отрывисто. Алахчит вспомнила, что шакалы все по большей части маги земли и огня, и если несколько минут назад Тенджин выглядел спокойным, сейчас он заметно рассердился. Она могла бы его понять.

Она позволила принцу задавать свои вопросы, сама раздумывая о том, а не торопится ли Садхир-джи делить шкуру не убитого медведя. Как бы хотелось ей положиться на чье-то мнение, послушаться беспрекословно, как раньше, когда все было просто, но нет, теперь она должна была думать, когда другие будут подчиняться.

- Мне твоя помощь пригодится, Яшви-удган, - заметила она подруге. - Хочу с отцом поговорить, мне совет его нужен. Поможешь?

Ветер Перемен

Тенджин подумал зло, что уж такой ответ наверняка удовлетворит принца, и тому хватит поводов, чтобы поверить в правдивость его намерений. Он бы давно увез мать, но она не могла ехать верхом - проклятый Бектер ее совсем измотал, и теперь не могла сесть в седло, а ехать на телеге было бы слишком заметно.

Но гораздо сильнее ее удивило то, что сказала затем шаманка. Тенджин угрюмо промолчал, он понял, о ком она говорила. Как сильно он винил себя, что не смог защитить сестру, а когда попытался - потом три дня провел в постели, зализывая раны, прежде чем смог подняться. Она не злилась, а он не мог себя простить. Тенджин кивнул, но промолчал, он и так сказал больше необходимого, чтобы ему поверили, и для этого пришлось снова коснуться памяти его сестры.

- Моя мать не может ехать верхом, иначе я давно бы ее увез. Больше никого нет, - ответил он кобре. Он столько передумал разных способов, но ни один ему не подходил. Может, хоть сейчас появится шанс.

- Не знаю, - он покачал головой в ответ на следующий вопрос. - Об этом вслух не скажут, побоятся. Шакалов двести, вряд ли больше. Из тех, кто помнит, как было раньше. Шакалий век недолог.

Мало кто из низ доживал до действительно уважаемого возраста. Когда шакал слабел и уже не мог участвовать в бою, он уезжал умирать в степь.

Яшви Садхир

Яшви отступила назад, моргнула и постаралась отрешиться от снова казавшихся ей навязчивых духов, которые с готовностью подобрались ближе найдя свободные уши, куда можно было шептать. Это были те бесцеремонные духи, которых было полно в любой местности, не все из них хотели чего-то конкретного, некоторым просто было одиноко, и они с радостью цеплялись к тому живому, кто мог их услышать, а в идеале и понять.

- Помогу, - ответила Яшви, когда Алахчит сказала, что ей нужно поговорить с отцом. Яшви до этого еще так никогда не делала, но она считала, что сможет справиться с

такой задачей. Это отвлечет ее от мыслей о собственном страхе, а Хубилай хаан мог дать совет Алахчит касательно всего, что сейчас происходило, чтобы она могла с достоинством и наименьшими потерями что-то решить. - Сегодня на закате.

Она чуть побледнела, когда поняла, что мать парня не может сесть в седло именно после издевательств над ней ныне мертвого нойона. Такая бы участь скорее всего ждала и ее, если бы Сонгцэн не успел приехать вовремя. Это страшно. Как может хан спокойно смотреть на то, как над его людьми издеваются так бесчеловечно и жестоко, и ничего не делать, чтобы это исправить?

- Может быть, мы сможем увезти ее вместе с Алтаном? - предложила Яшви принцу.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн задумался. Если удастся вызволить мать шакала, можно быть уверенным в его преданности. Особенно если в безопасности его мать будет далеко и среди союзников лис. Но дорога до Непала была дальней, а до аэропорта еще нужно было добраться.

- Мы поручим Алтану о ней заботиться. И я попрошу отца в письме, чтобы ей дали убежище в нашем клане, - ответил Сонгцэн на слова Яшви. - Я даю слово, что там она будет в безопасности, - добавил он, глядя на шакала.

Он был уверен в своих словах. В кланах слово значило больше, чем письменный договор: если ты хоть раз это слово нарушишь, тебе никогда впредь не будет веры. Сонгцэн был приучен за свои слова отвечать.

Он замолчал, давая Алахчит возможность решать вопросы самой. Он считал, что шакала можно было просить о том, чтобы он собрал тех, кто поддержит лис против Асаки. Но все равно хотел обсудить присутствие кобр без посторонних ушей.

Алахчит Алтан Борджигин

- Хорошо, сегодня на закате, - подытожила она, когда Яшви-удган согласилась ей помочь. У Алахчит был один единственный вопрос, который она хотела задать отцу, если он действительно захочет поговорить с живыми - что ей делать дальше. Алахчит стояла на распутье, но каждый из этого пути вел почти что в никуда. Она могла отказаться выходить замуж, но только лис перебьют, или все же согласится на это предложение, и превратиться в рабов. Быть живыми, но несвободными. Она уже не понимала, что здесь меньшее зло.

Алахчит наострила уши, потому что Яшви и принц Сонгцэн заговорили о каких-то своих мыслях, о которых она еще была не в курсе, но как всякая уважающая себя лисица и хан в придачу, должна была непременно о них разузнать. Но для этого нужно было избавиться от шакала, который и так здесь задержался, и потому могли возникнуть вопросы и подозрения, а их Алахчит хотела бы избежать.

- Спасибо, что доверил эту ценную информацию нам, - уже чуть теплее, чем в начале встречи, произнесла она, обращаясь к Тенджину. - Мы постараемся сделать все возможное, чтобы твоя мать была в безопасности. А ты, в свою очередь, постарайся узнать, сколько шакалов недовольны действиями Угэдэй хаана. Но

сейчас тебе лучше уйти.

Ветер Перемен

Тенджин не знал, о каком Алтане идет речь, но догадался, что это кто-то из лис, кого они хотят спрятать и вывезти из стоянки до того, как будет что-то окончательно решено со свадьбой. Потому что после нее события будут развиваться очень быстро.

- Спасибо, что поверили мне. Я поговорю с воинами и постараюсь что-то узнать, - Тенджин кивнул Алахчит хаан, затем перевел взгляд на принца и его жену, удган. - Ты отомстил за мою сестру. Теперь я могу ее отпустить.

Он не стал задерживаться в гэре еще больше и вышел, не забыв забрать свое оружие, которое было все на том же месте, где он его и оставил перед разговором. Только сейчас, шагая по стоянке обратно к поселку шакалов, Тенджин понимал, что у него рубаха на спине вся промокла, а сам он как дурак, широко улыбается, и поспешил вернуть лицу угрюмое выражение, больше подходящее человеку его статуса и рода занятий. Но впервые с момента смерти отца, а потом и смерти сестры Тенджин думал, что впереди среди темных грозowych туч появился робкий просвет.

Яшви Садхир

Яшви проводила шакала взглядом, и напряжение, которое держало ее в тисках, несколько спало. Укушенный змеей боится веревки, а сейчас в каждом шакале ей мерещилась угроза, даже если все вокруг кричало об обратном. Она ему верила. Но в то же время продолжала его бояться.

У нее голова шла кругом от того, как много всего произошло, что теперь это нужно как-то осмыслить и обдумать. Теперь даже непонятно, за что браться, то ли снова говорить о своем видении, то ли об Алтане и том способе, при помощи которого они смогут безопасно перенаправить мальчишку и беззащитную женщину в Непал, то ли об этом странном шакале, который принес не самые лучшие новости.

- Садхир-джи предложил отправить Алтана в резиденцию Кобр. Мы не знаем, что успел рассказать нойон перед поединком остальным и в чем его обвинить, и я боюсь, что они не оставят его в покое, - она начала с того, что показалось ей самым простым, с младшего брата. Потом можно было плавно перейти к чему-то другому, может быть, к тому моменту в голове все немного уляжется и постройнеет, а от того перестанет казаться устрашающим хаосом и водоворотом мыслей.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Шакал вовремя покинул гэр Алахчит. Сонгцэн считал, что остальные вопросы стоило вести не при этом госте, пусть даже поводов ему верить стало намного больше.

- Шакалы сильны. Тот, с которым я дрался вчера, был сильнее меня. И их больше, - сказал Сонгцэн, обращаясь к Алахчит. - Я останусь здесь и мой меч будет служить лисам, пока я жив. Но я хочу просить отца о том, чтобы он прислал сюда мой отряд.

Для этого мне нужно твое согласие.

Его личный отряд составлял полтора десятка хорошо обученных воинов. Это не было непобедимой армией, но они бы увеличили шансы лис в бою. Но их нужно было где-то разместить. К тому же Алахчит могла решить, что присутствие воинов другого клана лишь обострит ситуацию с шакалами. Сонгцэн был готов согласиться с любым её решением, но предпочел бы то, которое повышало шансы для них всех пережить хотя бы ближайшие несколько дней.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит кивнула в ответ шакалу, и едва дождалась, пока он выйдет, прежде чем со стоном облегчения упала в резное кресло в северной части гэра. То самое, которое принадлежало ее отцу, а до него - его отцу.

- Ну что за напасть с этими шакалами, - пожаловалась она вслух. - Оронар, дядюшка, найти Цэрэн, пусть поставит чаю? Нет сил обо всем этом думать. И сладости пусть принесет. Ну вы-то что стоите, вам приглашение нужно?

Она кивнула Яшви и принцу в сторону низкого стола неподалеку, обложенного подушками, отказываясь обо всем думать еще как минимум несколько секунд, пока не соберется с силами. Затем выпрямилась и потянулась, как лисица после сна, ничуть не смущаясь гостей.

- С решением отправить мальчика согласна, - выслушав Яшви, согласилась Алахчит. Несколько секунд отдыха прошли, нужно было снова возвращаться к делам. - А вот с отрядом вашим, Садхир-джи...не стало бы еще хуже. Нельзя сейчас нам провоцировать шакалов. Но мне ужасно сильно хочется на ваше предложение согласиться, Садхир-джи, нам каждый воин сейчас на счету. Хочу сначала с отцом посоветоваться.

Яшви Садхир

Алахчит выглядела уставшей, и она не стала держать лицо при Сонгцэне, что только говорило об ее к нему доверии. Суровый Оронар вышел, через несколько минут в гэр прибежала Цэрэн, которая жила вместе с Алахчит как младшая сестра. И по хозяйству помогала.

Яшви устраивалась на одной из подушек у столика. Идея Алахчит с чаем показалась ей удачной, она бы тоже не отказалась от горячего напитка, который всегда придавал ей сил и очищал ее мысли. А это было сейчас необходимо.

- Они могут остановиться в получасе конного перехода от стоянки лис? - предположила Яшви. - Тогда шакалы узнают о них не сразу, но у них будет возможность быстро оказаться здесь, если ситуация выйдет из-под контроля. Шакалы сейчас почти не покидают поселка. Ты все еще надеешься избежать битвы?

Яшви была плохим политиком и вряд ли бы могла вести грамотные переговоры, поэтому готовилась к худшему. И помнила о реках крови, в которых утонули тысячи опустившихся на колених душ. Ей казалось, что сражение - это просто вопрос времени, но неизвестно, когда случится раньше или позже.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн занял место за столом. Алахчит сейчас было не позавидовать. От неё зависела судьба клана, который казался обреченным. При этом ей предстоял брак, которые лисы якобы не заключали: не по собственному выбору, а по воле политиков.

- Алахчит, я приму твое решение. Но мне кажется, что без подмоги мы не справимся, - сказал Сонгцэн. - Если мальчишка прав, и шакалы планируют предать лис, нам предстоит бой.

Он не знал, насколько можно было рассчитывать на предателей из числа шакалов. Это была свора, которая опасна, даже если грызется между собой. И у них было слишком мало времени, чтобы разведать ситуацию.

- Они остановятся там, где нам нужно, - сказал Сонгцэн. - Но им в любом случае нужно время, чтобы добраться до Монголии. И Кобры - маги Воды, бой должен быть на берегу озера.

Его воины владели оружием, некоторые неплохо освоили магию Земли. Но все были мастерами магии Воды, было глупо упускать это преимущество.

Алахчит Алтан Борджигин

- Конечно надеюсь, и буду надеяться до последнего, - ответила она Яшви. - Лучший бой тот, которого не было, и мне жаль, что шакалы думают иначе. Мы в любом случае должны быть к нему готовы.

Ей предстояло разговаривать с другими ханами, стараясь убедить их в том, что разрозненность сейчас - их самый главный враг, но Алахчит предполагала, что этот разговор вызовет бурю негодования среди кланов. Их было некому объединять, лиса, которой они доверились, предала их. По закону лис его ждал суд, а затем изгнание, но если это случится сейчас, шакалы точно перейдут к решительным военным действиям. И почему папа не научил ее, как быть хорошим вождем?

Алахчит на правах хозяйки дома разлила по пиалам густой ароматный чай, исходящий паром, и сделала внушительный глоток, после чего взяла несколько сладких печений, вкусно пахнущих сливками, надеясь, что это немного поднимет ей настроение, которое было совершенно никчемным после разговора с шакалом.

- Сколько нужно времени добраться вашему отряду до этих краев, Садхир-джи? Я могу постараться потянуть время до дня свадьбы, но пока не решила ничего окончательно. Мне еще предстоит говорить с ханами.

Яшви Садхир

Яшви взяла в руки пиалу с чаем. Аромат успокаивал и придавал сил, еще бы он вложил в ее голову какие-нибудь дельные мысли. Яшви постоянно забывала, что Алахчит - не Великий Хан, она не может говорить за всех лис сразу, а ее клан - слишком маленький для того, чтобы воевать. Но, кажется, сама Алахчит думала при этом не только за те тридцать человек, что приехали с ней из южного Алтая, но

вообще за всех лис. Хоть иногда и говорила, что ей нужно узнать мнение других.

- Может, переодеть их в лисьи дэгэлы? - предложила она. - Если в каждом клане прибавится один или два человека, это будет не так бросаться в глаза, как целый отряд королевских кобр, который сразу привлечет к себе внимание. Оружие можно будет перевезти с пастухами, а лошадей и так достаточно.

Был риск все равно нарваться на шакальи патрули, но ведь змеи на то и змеи, чтобы извернуться в бамбуковой трубке. Уж если они не смогут пробраться незамеченными, то вряд ли кто-то другой сможет это сделать.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Если отправить Алтана с письмом завтра, то через десять дней они будут здесь, - сказал Сонгцэн. - Через неделю, если повезет с транспортом.

Он отпил горячий чай. Это был жирный ароматный напиток, способный заменить собой суп. Сонгцэн взглянул на Яшви, которая сейчас думала и рассуждала как настоящая лисица. И её идея ему понравилась.

- Если лисы согласятся прятать кобр, это будет удобнее, - согласился он. - Все мои люди могут долго находиться в зверином облике. Если у них будет время, они могут собрать информацию, пробравшись в дома шакалов. Если будет необходимость, кого-то из командиров можно убрать до боя.

Яд королевской кобры смертелен. О честном бое можно говорить не в случае, когда после свадьбы один из якобы союзных кланов собирается продать другой в рабство. Нужно было искать реальные способы развернуть ситуацию в свою пользу, и Сонгцэн их видел при раскладе, когда его отряд сможет некоторое время прятаться среди лис. Хотя многие кобры были типичными непальцами внешне и отличались от монголов.

Алахчит Алтан Борджигин

Десять дней - не такой большой срок, а с другой стороны, обстановка и так накалена до предела, может вспыхнуть в любую секунду, да так, что придется по и без того скудным рядам лис, словно острой саблей.

- Придется постараться, чтобы убедить лис смирить свою гордыню, - признала Алахчит, которая едва ли не лучше прочих знала о характере своих соплеменников, ведь ей самой пришлось столкнуться с этим, когда ее отец не смог больше вести за собой клан, и он осиротел без хана и его сына. Да до сих пор не все ханы поддерживали ее и принимали в качестве вождя.

- Я созову совет после заката и дам ответ вам сегодня вечером, Садхир-джи, - решила Алахчит. Она не имела права действовать, не обдумав все хорошенько и со всех сторон. И было бы неплохо посоветоваться для начала с Их-Чэрэном, Тэмуужином и Оронаром, быть может и у них возникнут дельные идеи. - Но Алтана все равно необходимо отправить в безопасное место, и так, чтобы об этом не узнали.

Яшви Садхир

Яшви не ожидала, что ее идея покажется остальным здоровой и даже будет всерьез рассматриваться. Так было бы не очень честно, но о какой честности может идти речь, когда их собираются предать, продать, а то и уничтожить?

- Меня больше беспокоит мать шакала, как мы увезем ее, если она не может ехать верхом и вряд ли осилит пеший путь на достаточное расстояние, чтобы можно было хотя бы ехать телегой?

Шакал не сказал, в чем конкретная причина недуга его матери, но Яшви примерно понимала, что это что-то по части женского здоровья. Если Бектер нойон с ней обошелся слишком грубо, она могла испытывать ужасные мучения даже от одного единственного шага, не говоря уже о том, чтобы сесть в седло, что стало бы для нее равноценно пытке.

- Ей может требоваться помощь врачевателя, - добавила она. Шакалы, по-видимому, относились к женщинам как к скоту и расходному материалу, потому что всегда могли украсть еще...но молодой шакал говорил, что его отец взял мать силой, а потом обмолвился, что шакалы никогда не нападали на другие кланы. Тогда это никто не заметил, как и она тоже. Яшви задумалась, потому что здесь явно что-то не сходилось. Как сложно порой бывает найти правду.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Я думаю, она сможет добраться до одного из гэров лис, а там ей сможем помочь я или Чаалун, - ответил Сонгцэн.

Он плохо представлял, с чем будет иметь дело, но если смотреть на ауру, станет понятнее. Сейчас Сонгцэна больше беспокоило то, что он все еще чувствовал себя вымотанным после вчерашнего боя, и ему нужно было восстановить энергию для врачевания и для того, чтобы быть готовым к возможному бою с шакалами.

- Алахчит, даже если лисы решат отказаться от помощи кобр, мне нужно будет отправить письмо отцу. Хотя бы о том, что я задержусь здесь. И для Алтана это будет достаточно серьезным заданием: вывезти мать шакала и доставить сообщение его Высочеству, - сказал Сонгцэн. - Но мне кажется, при нынешнем соотношении сил нам нельзя принимать открытый бой. Нам нужно увести овцу легкой рукой.

Он имел в виду стратагему, при которой необходимо хвататься за любую малейшую возможность усилить свои позиции и ослабить противника.

- Мой клан может прислать корзины со свадебными дарами. Разместить их в доме твоего жениха. На дне каждой может спрятаться кобра. Накануне свадьбы те шакалы, кто против Асаки, могут устроить диверсии. Змеи нападут на ханов шакалов. А потом лисы окружат шакалов, чтобы грабить во время пожара. В этот момент шакалы еще будут отбиваться. Тогда к нам показательно присоединятся их предатели и кобры, которые примут человеческий облик и возьмут оружие.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит чувствовала, что несмотря на выпитый ею чай, у нее все равно начинает болеть и распухать голова, что бывало всегда, когда ей приходилось долго и напряженно думать и говорить о делах. Лучше несколько раз дать себе перерыв на отдых, чем несколько часов к ряду обсуждать одно и то же, стараясь повернуть ситуацию и так и эдак, и усмотреть в ней что-то для себе еще. Раньше Алахчит бы так и сделала - вскочила с места гибко, потянулась, звонко рассеялась и предложила сходить посмотреть на народившихся жеребят или поиграть в салки, чтобы отвлечься от гнетущих мыслей. Теперь она лишь села на подушках поудобнее, не отвлекаясь от разговора.

- Не я принимаю решения, Садхир-джи, - устало напомнила Алахчит. - Мне подчиняется лишь тридцать две лисы, считая стариков и детей. Из них от силы двадцать могут держать оружие. Вы пытаетесь делить шкуру шакала, которого мы еще не убили. Я сделаю все, от меня зависящее, чтобы убедить лис принять вашу помощь, но если они откажутся, то нам придется отбиваться от полуторатысячной армии силами трех десятков воинов. Подумайте что мы будем делать в таком случае. Надеюсь, хоть шаманы смогут убедить этих упрямцев.

Иногда Алахчит злилась на своих соплеменников за их упрямство и нежелание меняться. Она считала, что они слишком застряли в своем прошлом, тогда как пора двигаться в будущее.

Яшви Садхир

Вопрос с врачом решил довольно быстро. Наверняка у шакалов тоже были свои целители, но они не считали нужным следить за здоровьем женщин, или она сама не горела желанием оповещать всех о своей проблеме. Яшви могла бы ее понять, в целом жизнь в клане шакалов мало чем отличилась от Ривана.

- Не все шаманы меня поддержали, - заметила Яшви, когда Алахчит снова напомнила, что ее решения - лишь одна шестая часть от того, что могут решить остальные ханы. Для того и созывались советы, чтобы каждый мог сказать своим предположения и выслушать чужие, и потом решить что-то одно всем вместе. - Только часть их согласилась пересмотреть видение и принять то толкование, которое предложила я. Но решения принимают ханы, а не шаманы. Я думаю, прежде чем что-то предпринимать, нужно узнать, что решат другие.

Она видела, что Алахчит устала тащить все на себе и ей требуется отдых. Наверняка она с самого утра только и думает о том, как бы половчее сгладить все острые углы.

- Может быть, тебе разрешат присутствовать на совете и выступить с твоими предложениями, - обратилась она к Сонгцэну. Яшви не была в этом уверена, но можно было хотя бы попробовать.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Алахчит, я тем более не принимаю здесь решения, - ответил Сонгцэн. - Я могу говорить о тех возможностях, которые есть у меня. Но если триста лис встанут

против полутора тысяч шакалов, я все равно выступлю на вашей стороне.

Потому что Яшви не согласится покинуть клан, а он не согласится оставить её здесь. Сонгцэн уже думал о том, не намекнуть ли отцу на то, что, несмотря на отказ лис от помощи, лично он бы очень рассчитывал на подмогу, но эта мысль пока не оформилась во внятное предложение, которое будет достаточно адекватным. чтобы отец с ним согласился. Времени на переписку у них не было.

- Если лисы готовы меня выслушать, я готов говорить перед ними, - добавил Сонгцэн.

Он допил свой чай и поставил чашку на стол. Он хотел пережить ближайшие дни, но не предал бы Яшви. А она не предаст лис. И, если этот гордый клан кочевников не согласится на подкрепление в лице отряда кобр, задача выжить будет очень непростой, сколько овец ни уводи легкой рукой.

Алахчит Алтан Борджигин

Надежды на шаманов не оправдались. Алахчит поняла, что все будет еще труднее, чем она могла себе предположить, потому что сейчас всерьез вставал риск остаться в одиночестве перед лицом огромной армии, и тогда это станет не просто поражением, это станет почти геноцидом одного клана другим. Она потеряла виски и разгрызла еще одно сладкое печенье.

- Я благодарна вам за вашу самоотверженность, Садхир-джи, - сказала она, отставляя чашку. - Будьте готовы на закате, если мне удастся убедить ханов вас выслушать, вы предложите им свой план. Для нас вы не чужак, но остальные лисы будут к вам не столь лояльны.

Лисы славились своим дружелюбием. Но насколько охотно они принимали в своем гэре гостей, выставляя все до последней крошки на стол, чтобы показать свое гостеприимство, настолько же ревностно охраняли свои тайны, даже намеком не давая о них никому знать. Сегодня придется проявить чудеса дипломатии.

- Теперь, если у вас больше нет ко мне дел, я прошу вас меня оставить. Мне нужно встретиться с уважаемым Их-Чэрэн-гуаем и Тэмужин-гуаем.

Яшви Садхир

Яшви видела, что новость о шаманах Алахчит не обрадовала. Она бы хотела как-то помочь подруге и поддержать ее, но не сейчас, в присутствии Сонгцэна, потому что гордая Алахчит наверняка отвергнет эту помощь. Да и Яшви не была мастером в том, чтобы говорить утешающие слова. Она могла лишь побыть рядом и спеть старую монгольскую колыбельную, но сейчас вряд ли этого было бы достаточно.

- Идем, - сказала она Сонгцэну, поблагодарила Алахчит за чай и угощения и поднялась из-за стола. К закату ей тоже нужно быть готовой, когда Алахчит будет задавать вопросы своему отцу. Если он отзовется на ее зов и ненадолго придет, чтобы говорить. Яшви этого никогда еще не делала, и ей хотелось немного подготовиться. Она знала, что некоторые шаманы курят ганджу, чтобы им проще было входить в транс, но сама относилась к этому способу с недоверием. Наверное,

к таким экспериментам она была еще пока не готова, а потому ей нужно было подумать, чем она будет пользоваться сегодня, чтобы удержать дух в этом мире чуть дольше, чтобы у него была возможность что-то посоветовать.
